

Читайте в серии:

ДИЛОГИЯ:

АННА
В КРОВАВО-АЛОМ

ДЕВУШКА
ИЗ КОШМАРОВ

ГЛАВА 1

По-моему, я некогда убил девушку, похожую на эту.

Да, точно. Ее звали Эмили Данаггер. Она погибла лет в тринадцать от рук подрядчика, работавшего над домом ее родителей. Тело ее было замуровано в чердачную стену и закатано штукатуркой.

Моргаю и невнятно бормочу в ответ на какой-то вопрос, только что заданный сидящей рядом девушкой. Скулы у Эмили были повыше. И нос другой. Но форма лица практически такая же, словно я смотрю на девушку, за которой шел по следу наверх, в гостевую комнату. Дело заняло почти час. Я вонзал атам в одну стену за другой, а она выскакивала оттуда, все время стараясь оказаться у меня за спиной.

— Обожаю фильмы про монстров, — говорит сидящая рядом девушка, чье имя я не могу

Девушка из кошмаров

вспомнить. — Мои любимчики Пила и Джейсон¹, однозначно. А твои?

— Да я ужасики как-то не очень, — отзываюсь я, не упоминая о том, что ни Пила, ни Джейсон, строго говоря, монстрами не являются. — Мне нравится где взрывы, спецэффекты.

Кейт Хект. Вот как ее зовут. Очередная старшеклассница из «Уинстона Черчилля». У нее орехового оттенка глаза, несколько великоватые для ее лица, но красивые. Понятия не имею, какого цвета были глаза у Эмили Данагер. К моменту нашей встречи вся краска из них давно вытекла. Я помню ее лицо, бледное, но не слепое, проступающее сквозь потускневший цветочный рисунок на обоях. Теперь-то это кажется тупостью, но в тот момент это была самая захватывающая игра в «шмяк-крота» с мертвой девушкой в роли последнего. Я весь взмок. Это случилось давным-давно, когда я был гораздо моложе и возбужднее. Оставалось еще много лет до встречи с призраками, обладающими какой-то реальной силой, — вроде Анны Корлов, девушки, которая могла бы в любой момент вырвать мне хребет, а вместо этого в итоге меня спасла.

Я сижу в угловой выгородке кофейни на Бей-стрит. Напротив меня Кармель с двумя друзьями, Джо и Чедом, они, по-моему, вместе класса с седьмого. Фу. Рядом со мной Кейт Хект — предполагается, что у меня с ней свидание. Мы толь-

¹ Пила и Джейсон — персонажи знаменитых фильмов ужасов «Пила» (2003) и «Пятница 13-е» (1980). (Здесь и далее — примеч. перев.)

ко что посмотрели кино, про что не помню, но, кажется, там были гигантские собаки. Кейт разговаривает со мной, преувеличенно жестикулируя, вскидывая брови и демонстрируя в улыбке безупречные благодаря проношенным все детство брекетам зубы, — старается привлечь мое внимание. Но я могу думать лишь о том, что она похожа на Эмили Данаггер, только куда скучнее.

— Ну, — неловко говорит она, — как тебе кофе?

— Неплох, — отвечаю я. Пытаюсь улыбнуться.

Она ни в чем не виновата. Это Кармель уболтала меня на этот фарс, и я сам согласился в нем поучаствовать, только чтобы она заткнулась. Чувствую себя свиньей за напрасно потраченное Кейт время. И еще большей свиньей за то, что втайне сравниваю ее с мертвой девушкой, которую убил четыре года назад.

Разговор буксует. Я делаю большой глоток кофе, он здесь и впрямь неплох. Много сахара, взбитых сливок и тертых орехов. Кармель под столом пинает меня, и я едва не проливаю кофе себе на подбородок. Когда понимаю взгляд, она болтает с Джо и Чедом, но она сделала это явно намеренно. Ухажер из меня никудышный. Левый глаз у нее начинает дергаться.

Я кратко прикидываю, как повести вежливую беседу. Но я не хочу поощрять эту историю и динамит Кейт. Вообще загадка, почему ей захотелось выйти в свет со мной. После того что случилось в прошлом году с Майком, Уиллом и Чейзом — Майка убила Анна, а Уилла

Девушка из кошмаров

и Чейза сожрал призрак, убивший моего отца, — я в «Уинстоне Черчилле» пария. Меня никогда не связывали с этими убийствами, но все что-то подозревают. Знают: парни меня ненавидели и в итоге умерли.

Выдвигались всякие гипотезы относительно того, что могло произойти, чудовищные слухи раздувались и циркулировали, вырастая до эпических масштабов, и наконец затихали. Наркотики, шептались люди. Нет-нет, это был подпольный сексуальный кружок. Кас поставлял им амфетамины, чтобы у них лучше получалось. Он типа наркодилера.

Люди отводят глаза, проходя мимо меня по коридорам. Шепчутся у меня за спиной. Порой я сомневаюсь в своем решении окончить старшие классы в Тандер-Бее. Не выношу, что эти идиоты носятся со всеми своими теориями, в большинстве своем нелепыми до крайности, однако никому из них не пришло в голову упомянуть привидение, о котором им всем прекрасно известно. Никто ни разу не заговорил об Анне-в-Алом. К таким пересудам по крайней мере стоило бы прислушаться.

Порой я даже открываю рот, чтобы предложить маме найти нам другой дом в другом городе, где я мог бы сколько угодно охотиться на агрессивных покойников. Мы уже несколько месяцев назад собрали бы манатки, если бы не Томас и Кармель. Несмотря на все усилия в противоположном направлении, я привык полагаться на Томаса Сабина и Кармель Джонс. Странно

думать, что сидящая напротив девушка, тайком посылающая мне гневные взгляды, вначале была для меня просто инструментом. Просто способом узнать город. Странно думать, что некогда Томас, мой лучший друг, казался надоедливым чокнутым прилипалой.

Кармель снова пихает меня, и я смотрю на часы. С момента, когда я смотрел на них последний раз, прошло едва ли пять минут. Кажется, они сломались. Когда Кейт словно невзначай проводит пальцами по моему запястью, я отстраняюсь и отпиваю глоток кофе. От моего внимания не ускользает, как она смущенно и неловко ерзает, когда я так делаю.

Совершенно неожиданно Кармель громко произносит:

— Кас, по-моему, еще даже не шуршал по колледжам. А, Кас? — На сей раз она пинает меня сильнее. О чем она говорит? У меня же еще не выпускной класс. С чего мне думать о колледже? Разумеется, у Кармель будущее наверняка распланировано начиная с детского сада.

— Я подумываю про Сент-Лоренс, — говорит Кейт, а я сижу молча. — Папа говорит, что Сент-Клер лучше. Только я не знаю, что он подразумевает под этим «лучше».

Невнятно мычу в ответ. Кармель смотрит на меня как на идиота. Едва не ржу. Намерения у нее самые лучшие, но мне совершенно нечего сказать этим людям. Полный ноль. Жалко, здесь нет Томаса. Когда телефон у меня в кармане начинает

Девушка из кошмаров

вибрировать, я выскакиваю из-за стола слишком быстро. Стоит мне выйти за дверь, они начнут говорить обо мне, гадая, что со мной такое, и Кармель скажет им, что я просто нервный. По фигу.

Это звонит Томас.

— Привет, — говорю. — Снова мысли читаешь, или это просто удачное совпадение?

— Настолько плохо?

— Я думал, будет хуже. Что случилось?

Почти чувствую, как он пожимает плечами:

— Ничего. Просто подумал, что тебе может понадобиться путь к отступлению. Я сегодня после обеда получил машину из мастерской. Так что теперь, наверное, можно скататься в Гран-Марэ.

У меня вертится на кончике языка «В смысле «наверное»?», но тут из дверей кафе выскальзывает Кармель.

— О черт, — бормочу я.

— Что?

— Кармель идет.

Она останавливается передо мной, скрестив руки на груди. В трубке чирикает голос Томаса, желающего знать, что происходит, надо ему заезжать за мной ко мне домой или нет. Не успевает Кармель ничего сказать, как я подношу трубку обратно к уху и говорю «да».

Кармель за нас извиняется. У себя в «Ауди» она хитрится играть в молчанку целых сорок секунд, ведя машину по улицам Тандер-Бея. На нашем пути приключается то странное совпадение, ког-

да светофоры загораются зеленым прямо перед нами, словно заколдованный эскорт. Асфальт мокрый, еще похрустывают остатки льда у обочин. Через пару недель начинаются летние каникулы, но город об этом, похоже, не знает. Конец мая, а температура по ночам по-прежнему падает ниже точки замерзания. Единственный признак окончания зимы — шторма: визжащие шквалы налетают с озера и откатываются обратно, смывая ошметки зимней слякоти. Я не был готов к такому количеству холодных месяцев. Они сжимают город словно в кулаке.

— Зачем ты тогда вообще поперся? — спрашивает Кармель. — Если собирался вести себя именно так? Кейт из-за тебя реально плохо.

— Из-за нас. Я с самого начала не хотел этого делать. Это ты подогревала ее надежды.

— Ты ей нравишься с уроков химии в прошлом семестре, — хмурится Кармель.

— Тогда тебе следовало бы рассказать ей, какая я скотина. Расписать меня как такого дебильного урода.

— Лучше позволить ей увидеть это собственными глазами. Ты ж едва пять слов произнес. — Она разочарованно щурится — выражение, граничащее с отвращением. Затем лицо ее смягчается и она откидывает с плеча светлые волосы. — Просто подумала, что тебе бы не помешало выйти в свет и познакомиться с новыми людьми.

— Я знакомлюсь с массой новых людей.

— Я имею в виду живых людей.

Девушка из кошмаров

Смотрю прямо перед собой. Может, это была колкость насчет Анны, а может, и нет. Но меня это бесит. Кармель хочет, чтобы я забыл. Забыл, что Анна спасла нам всем жизнь, что она пожертвовала собой и утащила обеата в Преисподнюю. Кармель, Томас и я долго пытались выяснить, что случилось с ней после той ночи, только ничего не добились. Полагаю, Кармель считает, что пора перестать искать Анну и отпустить ее. Но я не перестану. Положено, не положено — не волнует.

— Тебе не обязательно было уезжать, — говорю. — Томас мог бы забрать меня оттуда. Или я бы пешком ушел.

Кармель покусывает свои красивые губы — привыкла, чтобы все было как она хочет. Мы дружим уже почти год, и у нее до сих пор возникает это озадаченное щенячье выражение, когда я не делаю того, что она говорит. В этом есть странное очарование.

— На улице холодно. Да и все равно скучно было. — Она безмятежно спокойна в своем верблюжьем полупальто и красных перчатках. Красный шарф завязан аккуратным узлом — несмотря на то, что уходили мы второпях. — Я хотела оказать Кейт услугу. Устроила ей свидание. Мы не виноваты, что она не смогла ослепить тебя своим обаянием.

— У нее хорошие зубы, — высказываюсь я.

Кармель ухмыляется.

— Наверное, это была дурацкая идея. Не стоило форсировать, да? — говорит она, и я притво-

ряюсь, будто не замечаю исполненной надежды взгляда — Кармель ждет, что я поддержу разговор. Но я молчу. Разговор ни к чему не приведет.

Когда мы подъезжаем к моему дому, потрепанный «Темпо» Томаса уже припаркован на подъездной дорожке. Я вижу его силуэт внутри, он разговаривает с моей мамой. Кармель встает сразу за ним. Я ожидал, что меня высадят у бордюра.

— Возьмем мою машину. Я еду с вами, — говорит она и вылезает.

Я не возражаю. Вопреки моим самым лучшим намерениям, Кармель с Томасом, что называется, вступили в ряды. После истории с Анной и обещанием отсекай их уже бессмысленно.

Входим. Томас смотрится одной большой морщиной, плюхнутой на диван. При виде Кармель он встает, и глаза его проделывают привычный танец с прищуриванием и выпучиванием, пока он не поправит очки, после чего возвращаются к нормальному состоянию. Мама в просторном толстом свитере уютно устроилась в кресле. Не знаю, с чего люди взяли, что все ведьмы изводят тонны подводки и шастают по округе в бархатных плащах. Мама улыбается нам и тактично спрашивает, как нам понравился фильм, а не как прошло свидание.

Пожимаю плечами.

— Я как-то не уловил, — говорю.

Она вздыхает:

— Что ж, Томас говорит, что вы собираетесь в Гран-Марэ.

Девушка из кошмаров

— Нынешний вечер не хуже любого другого, — киваю. Смотрю на Томаса. — Кармель тоже едет. Поэтому мы можем взять ее машину.

— Хорошо, — отвечает он. — Если возьмем мою, наверняка окажемся на обочине еще до того, как пересечем границу.

Мимолетная неловкость, пока мы ждем, чтобы мама вышла. Она ни в коем разе не цивил, но я стараюсь не посвящать ее в детали. После того как я едва не погиб прошлой осенью, в ее рыжих волосах появилось серебро.

Наконец она встает и сует мне в ладонь три маленьких, но очень пахучих бархатных мешочка. Я не глядя понимаю, что это такое. Свежая смесь трав ее классического охранного заклятья, по одному для каждого из нас. Кончиком пальца она касается моего лба.

— Береги их, — шепчет она. — И себя. — Обращивается к Томасу: — А мне надо сделать еще свечей для магазинчика твоего дедушки.

— Те, что для процветания, уходят быстрее, чем мы успеваем снимать их с полок, — улыбается он.

— А ведь они такие простые. Лимон и базилик. И магнитный сердечник. Я заеду с новой партией во вторник. — Она поднимается по лестнице в комнату, отведенную под ее чародейные работы. Там полно восковых брусков, и масел, и пыльных бутылочек с травами. Я слышал, у других матерей есть целые комнаты, отведенные под шитье. Странно, должно быть.

— Когда вернусь, помогу тебе упаковать свечи, — говорю я, и она исчезает наверху. Ей бы снова кота завести. На месте Тибальта зияет дырка в форме кошки, плывущая за ней следом. Но, кажется, прошло всего полгода, как он погиб. Наверное, еще слишком рано.

— Ну что, мы готовы? — спрашивает Томас. Под мышкой у него холщовая курьерская сумка. Каждую крупницу информации, добытую нами по конкретному призраку, конкретной работе, он пихает в эту сумку. С ужасом думаю, как быстро его привязали бы к столбу и сожгли, попадись она кому-нибудь в руки. Он не глядя сует руку в бумажную кашу и проделывает жутковатый фокус ясновидящего, каждый раз безошибочно нащупывая искомое. Каждый раз словно та девица из «Полтергейста».

— Гран-Марэ, — бормочет Кармель, когда он протягивает ей бумаги.

Основное здесь — письмо преподавателя психологии из Розенбриджской старшей школы, старого отцовского кореша. До того как засучить рукава и приняться за формирование юных умов, он расширял собственное сознание, участвуя в трансовых сессиях¹, которые возглавляли в начале восьмидесятых мои родители. В письме он говорит о призраке в Гран-Марэ, штат Миннесота, по слухам, обитающем в заброшенном амбаре. За

¹ Речь идет о постхипповской эзотерической традиции совместных бдений с применением расширяющих сознание духовных практик, типа холотропного дыхания, медитаций и т.п.